

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Двадцать четвертого декабря детям целый день не разрешалось входить в среднюю комнату, а тем более в примыкающую к ней гостиную. Фриц и Мари тихо сидели в уголке задней комнаты, уже опустились сумерки, а лампы все не приносили, и детям стало не по себе. Фриц тайком шепнул младшей сестре — ей совсем недавно исполнилось семь лет, — что слышал еще с утра, как в гостиной что-то постукивало, позванивало и шуршало. И что недавно туда проскользнул черный человечек с большой коробкой, но это, наверное, был их крестный Дроссельмайер. Тут Мари радостно всплеснула руками:

— Ах, крестный Дроссельмайер сделал для нас что-нибудь хорошее!

Старший судебный советник был некрасив и щупл, все лицо в морщинах, вместо правого глаза — черный

клапан, а волос у него на голове не было, поэтому он носил красивый белый парик, очень искусно сделанный из стекла. Крестный и сам был искусник, разбирался в часовых механизмах и даже мог их смастерить. И когда какие-нибудь часы в доме Штальбаумов заболели и больше не могли петь, приходил крестный Дроссельмайер, снимал свой стеклянный парик и желтый сюртук, повязывал синий фартук и совал в часы острые инструменты, отчего маленькой Мари становилось больно, но часам это вреда не причиняло, они, наоборот, оживали и начинали весело отбивать время, чему все радовались. Для детей он приносил в кармане что-нибудь хорошее: то человечка, который смешно закатывал глаза и делал комплименты, то табакерку, из которой выпрыгивала птичка, то еще что-нибудь. Но к Рождеству он мастерил что-нибудь особенное, что стоило ему больших усилий, поэтому родители поскорее убирали подарок.

— Ах, что он нам приготовил на этот раз? — гадала Мари. Фриц предположил, что на сей раз это будет крепость, в которой солдаты маршируют и упражняются в стрельбе, а потом являются враги и штурмуют крепость, но солдаты храбро отстреливаются из пушек, так что гром стоит.

— Нет-нет, — перебила Мари, — крестный Дроссельмайер как-то говорил про сад с озером, по которому плавают лебеди с золотыми ленточками на шее и поют лебединые песни. Потом приходит маленькая девочка, подзывает лебедей и кормит их сладким марципаном.

— Лебеди не едят марципан, — оборвал ее Фриц, — да и целый сад крестному не сделать. И что нам проку от его игрушек, если у нас их тут же отбирают? Лучше те подарки, которые нам дарят мама и папа, с ними мы можем делать что хотим.

И дети принялись гадать, что будет на сей раз. Мари сказала, что ее кукла мамзель Трутти уже совсем испортилась: то и дело падает на пол, уже вся побитая, одежду перепачкала, хоть ругай ее, хоть не ругай. А еще мама так загадочно улыбнулась, когда Мари залюбовалась новым зонтиком Гретхен. Фриц же уверял, что в его конюшне был бы нелишним порядочный каурка*, как и в целом его войску не хватает кавалерии, и папе это хорошо известно.

Но дети хорошо знали, что родители купили им подарки и сейчас расставляют их, а младенец Иисус взирает на это своими кроткими глазами и благословляет, отчего рождественские подарки приносят больше радости, чем любые другие. Об этом напонила детям, шепчущимся об ожидаемых подарках, их старшая сестра Луиза, добавив, что сам Христос руками родителей дарит им то, что принесет им настоящую радость, и Он лучше, чем сами дети, знает, что это. Поэтому им не стоит загадывать и надеяться, а надо тихо и смиренно ждать, что им подарят. Мари послушно замолкла, а Фриц упрямо пробормотал:

— А от гусар и от каурки я бы не отказался.

* Лошадь каурой (рыжеватой) масти. *Здесь и далее прим. ред.*

Стало совсем темно, Фриц и Мари притихли и прижались друг к другу, им почудился нежный шелест крыльев, потом откуда-то издалека донеслась тихая, но прекрасная музыка, и светлый луч пробежал по стене. Дети догадались, что это Христос-младенец пролетел на сверкающем облаке — к другим счастливым детям.

Тут раздался серебряный звон: клинг-линг, клинг-линг, двери распахнулись, и в комнату ворвался яркий свет. Дети, ахнув, так и замерли на пороге. Но папа и мама подошли и взяли их за руки:

— Ну, идемте, идемте, милые, посмотрим, что подарил вам святой Христос.

ДАРЫ

Я обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель или слушатель, — Фриц, Теодор, Эрнст, или как еще тебя зовут, — и прошу вспомнить твой последний богато украшенный рождественский стол, уставленный подарками, и ты поймешь, какой восторг охватил детей. Сначала они замерли, а потом Мари воскликнула:

— Ах, как красиво! Ах, как красиво!

Фриц же несколько раз высоко подпрыгнул, и прыжки замечательно ему удались.

Должно быть, в этом году они вели себя особенно примерно, ведь столько подарков им еще никогда не доставалось. Большая ёлка посреди гостиной была украшена золотыми и серебряными яблоками; на всех ветках, словно почки и цветы, распускались сахарный миндаль, яркие конфеты и всякие другие лакомства. Особенно красиво из темной глубины веток чудо-дерева посверкивали огоньки, словно заманивая детей сорвать цветы и плоды.

Все вокруг искрилось и сверкало. Чего там только не было — кто смог бы это описать! У Мари разбежались глаза: тут были и нарядные куклы, и игрушечная посуда, а красивее всего было шелковое платье с цветными лентами, оно висело отдельно, так что его можно было разглядеть со всех сторон.

— Ах, какое красивое, милое-милое платье! — снова и снова восклицала Мари. — И что, его можно надеть прямо сейчас?

Фриц тем временем успел уже три раза проскакать галопом вокруг стола на своем новом каурке, который, подумать только, и впрямь ждал его у стола оседланным.

— Зверь, а не конь, — заключил Фриц, спрыгивая с него, — но ничего, объездим!

И уже осматривал на столе новый эскадрон гусар. В красных мундирах с золотыми позументами, вооруженные серебряными саблями, они скакали на таких белых конях, что те тоже казались сделанными из чистого серебра.

Немного успокоившись, дети принялись за новые книжки с картинками. Цветы, и люди, и играющие малыши были так живо нарисованы, будто и вправду вот-вот заговорят, стоит лишь присмотреться или прислушаться. И только дети принялись за книги, как снова зазвенел колокольчик. Они знали, что пришел черед подаркам крестного Дроссельмайера, и побежали к ширме в углу комнаты, которую тут же убрали. И что же увидели дети? На зеленой лужайке, украшенной цветами, стоял великолепный замок с зеркальными

окнами и золотыми башнями. Раздался перезвон колокольчиков, двери и окна раскрылись, и в залах показались очень маленькие, но изящные господа и дамы в шляпах с перьями и в длинных платьях со шлейфами. В центральном зале, который весь сиял огнями — так много огоньков горело на серебряных люстрах, — танцевали под перезвон колокольчиков дети в коротких курточках и юбочках. Один господин в изумрудно-зеленом камзоле то и дело подходил к окну, махал рукой и снова исчезал, как и сам крестный Дроссельмайер, но ростом не выше папного большого пальца: он то стоял в дверях замка, то снова скрывался внутри. Фриц, облокотившись на стол, разглядывал гуляющие и танцующие фигурки, а потом попросил:

— Крестный Дроссельмайер! Впусти меня в свой замок!

Старший судебный советник лишь пожал плечами: ничего не выйдет. Конечно, глупо было со стороны Фрица проситься внутрь замка, который даже вместе с башенками был ниже него, он и сам это понимал. Через какое-то время, когда все те же господа и дамы прохаживались, дети танцевали, изумрудный мужчина выглядывал все из того же окна, а крестный Дроссельмайер выходил из той же двери, Фриц нетерпеливо воскликнул:

— Крестный Дроссельмайер, подойди хоть разок вон к той двери!

— Не получится, милый Фриц, — ответил старший судебный советник.

— Ну тогда пусть, — продолжал Фриц, — пусть вон тот зеленый господин больше не выглядывает из окна, а идет прогуливаться вместе со всеми.

— И это не получится, — повторил старший судебный советник.

— Пусть дети выйдут наружу! — воскликнул Фриц. — Я хочу их разглядеть поближе.

— И это нельзя, — с раздражением ответил старший судебный советник. — Механизм настроен раз и навсегда.

— Нельзя-а-а? — разочарованно протянул Фриц. — Послушай-ка, крестный Дроссельмайер, что проку от этих человечков в замке, если они больше ничего не могут? Нет уж, мои гусары лучше! Они хотя бы могут маршировать: вперед, назад — и вообще куда я захочу!

Фриц убежал к столу с подарками и заставил свое войско гарцевать на серебряных конях, поворачивать, строиться и стрелять от души. Мари тоже наскучило однообразное движение фигурок в замке, но она, как воспитанная девочка, постаралась, чтобы этого не заметили, и ускользнула потихоньку, не то что ее брат.

А старший судебный советник сердито говорил родителям:

— Дети не могут оценить такие тонкие вещи, лучше я унесу этот замок.

Но мать упростила его показать, как устроен механизм и за счет чего эти маленькие куколки приходят в движение. Советник увлеченно принялся объяснять, как действуют все эти колесиики и молоточки.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

